ИНТЕРВЬЮ 09.02.2024

«Хунта Мьянмы изолирована и потому не способна выиграть войну»

Прошло три года после переворота в Мьянме. Титинан Понсудгирак – о гражданской войне, движении сопротивления и том, что будет после.

Интервью провел Александер Изеле

За три года хунта в Мьянме так и не смогла укрепить свою власть. Какова сейчас ситуация в стране?

Гражданская война очень жестокая. Ежедневно гибнут люди с обеих сторон. Но за три года произошло коренное изменение. Была пройдена точка невозврата: армия Мьянмы стала не способна выиграть войну. Довольно неожиданно. После переворота 1 февраля 2021 года коалиция сопротивления постепенно вышла из тупика, встала на ноги и сейчас побеждает в гражданской войне. В очень ожесточенной, жестокой, изнурительной и трагической войне.

Кто входит в коалицию сопротивления?

Коалиция сопротивления состоит из нескольких колонн, прежде всего – этнических армий, так называемых этнических вооруженных организаций (ЭВО), которые воюют против армии Мьянмы уже много десятилетий. Но все это время ей в целом удавалось держать их под контролем.

Мьянма – этнически разнообразная страна. Около 40 процентов населения составляют представители различных этнических групп, живущих вдоль границ с Индией, Китаем, Лаосом и Таиландом: чины, качины, шаны, карены, моны и рохинджа, а также множество других этносов, многие из которых имеют собственные вооруженные группировки. Особенность этой гражданской войны заключается в том, что многие бамары (этнические бирманцы), которые составляют около 60 процентов населения, также приняли участие в борьбе против военных.

Страна в основном объединена в оппозиции хунте, презрении к ней. Это ключевое.

Многие молодые бамары и молодые люди из других этнических групп, как мужчины, так и женщины, в возрасте 20 плюс-минус несколько лет, присоединились к борьбе. Они росли в то время, когда страна открывалась после пяти десятилетий военной диктатуры. С 2011 по 2021 год они имели возможности и шансы, которых никогда не имели их дедушки и бабушки – и, конечно, не хотели возвращаться в темные времена правления хунты. Многие присоединились к движению гражданского неповиновения, пытаясь помешать установлению военной диктатуры с помощью забастовок. Жестокое и кровавое подавление протестов армией возмутило большинство населения. Через полгода после переворота сформировались Силы народной обороны (СНО), состоящие из многих этих молодых людей, которые воюют небольшими группами, объединенными в отряды, в разных городах и селах страны. Они используют партизанскую тактику, устраивая засады на группы солдат и похищая их оружие. Это общенациональное восстание.

Сотрудничают ли этнические вооруженные организации и Силы народной обороны между собой?

ЭВО обучают некоторых бойцов СНО, а также они в некоторой степени работают вместе под руководством Правительства национального единства – гражданского руководства сопротивления, которое состоит из нескольких членов последнего демократически избранного правительства. В то время как отряды СНВ продолжают использовать партизанскую тактику (на которую военные отвечают жестокими атаками вплоть до воздушных бомбардировок деревень), ЭВО больше похожи на ополчения и даже на маленькие конвенциональные армии, которые продолжают воевать так, как делали это десятилетиями. В частности, они нападают на армейские форпосты и даже военные базы.

Важным поворотным моментом стал октябрь прошлого года, когда «Альянс трех братьев», состоящий из Армии Национального демократического альянса Мьянмы, Национально-освободительной армии Таанг и Армии [спасения рохинджа] Аракана, начал скоординированное наступление в северном штате Шан, возле китайской границы. Они захватили около двух десятков городов и сотни военных форпостов и призвали другие ЭВО присоединиться к наступлению. С тех пор было захвачено еще больше городов и форпостов. Все больше территорий по всей Мьянме освобождалось от хунты.

Как реагирует армия?

Моральное состояние военных плохое. Они постоянно попадают в засады, то ли ЭВО, то ли партизанских отрядов СНО. Войско ежедневно несет потери: многие погибают, есть случаи дезертирства и бегства, а новых солдат не видно. Высшее командование хунты находится в международной изоляции по инициативе США и ЕС, а Россия, их союзник, полностью занята Украиной и не очень помогает. Важно, что не помогает даже Китай, поскольку хунта смотрит сквозь пальцы на мошеннические центры на границе с Китаем, в чьи онлайн-схемы уже были втянуты многие китайские граждане. Китай даже дал зеленый свет операции «Альянса трех братьев» в октябре. Итак, хунта Мьянмы изолирована и потому не способна выиграть войну.

Что будет после хунты?

Это экзистенциальная проблема. Никто не знает. Очевидно, что переворот терпит поражение, а сопротивление побеждает, хотя сколько еще продлится война, предсказать невозможно. Но что потом? Есть ли перспектива создания рабочей системы распределения власти после военной диктатуры?

Сопротивление должно предложить жизнеспособную альтернативу. Правительство национального единства должно предложить видение будущего. Они говорят, что хотят построить федеративный демократический союз, демократическую систему с федеральным правительством и определенной автономией для различных этнических штатов, из которых состоит Мьянма. Но путь к этому будет трудным. Достичь такого компромисса – тяжелая работа, которая еще даже не началась по-настоящему.

В худшем случае Мьянма будет необратимо фрагментирована и балканизирована. Различные штаты будут иметь разные этнические армии, каждая из которых будет контролировать свою территорию, собирать собственные налоги, нелегально торговать (как десятилетиями делали некоторые ЭВО) – в то время как центральная власть станет неэффективной и не способной держать всех вместе. В такой ситуации Мьянма может стать местом транснациональной преступности, производства наркотиков, торговли женщинами, детьми, рабочей силой и т.д.

А положительный сценарий какой?

Положительный сценарий предполагает определенное распределение власти, как было после 2011 года, когда бывший

боевой генерал Тейн Сейн был президентом до 2016 года. Он с помощью технократов проводил реформы, реализовывал проекты развития, привлекал иностранные инвестиции и делал страну дипломатически открытой. Гражданские структуры могли развиваться, и в конце концов Аун Сан Су Чжи и ее «Национальная лига за демократию» победили на выборах 2015 года и руководили страной, пока не произошел переворот. Сегодня со стороны военных нет никого, кто бы заслуживал доверия, достаточного для участия в переходе через разделение власти к федеральной, демократической системе. Также очень сомнительно, что Аун Сан Су Чжи сможет снова играть какую-то роль в Мьянме после гражданской войны.

Как может помочь международное сообщество?

Международное сообщество должно играть смягчающую и поддерживающую роль, помогая людям в Мьянме решить проблемы между собой. Особенно АСЕАН, хотя репутация этой организации сомнительна. После того, как в апреле 2021 года она отреагировала на переворот «консенсусом из пяти пунктов», проигнорированным хунтой, больше она не сделала ничего. Но это единственная крупная сеть в Юго-Восточной Азии, в которую входит соседний с Мьянмой Таиланд, а также Индонезия, Малайзия и Сингапур, которые хотят присоединиться к процессу.

Более широкое международное сообщество, куда входят ЕС, Великобритания и США, тоже должно было бы принять участие. Но будем реалистами: мир полон горячих точек – война России против Украины, ХАМАС и Израиль, борьба за власть между США и Китаем. И все же обратить внимание на Мьянму в их интересах, ведь она может стать рассадником транснациональной преступности, которая однажды постучится в их двери. Можно работать с Мьянмой совместно с Китаем, который очень пострадал от беспорядков в соседней стране. Китай видит угрозу для своих инвестиций, в частности для трубопровода и инфраструктурных проектов в рамках Китайско-Мьянманского экономического коридора, составной части инициативы «Один пояс, один путь». Китай, заинтересованный в стабильной Мьянме, мог бы вместе с международными партнерами приложить усилия к смягчению, посредничеству и содействию. Но то, как именно закончится гражданская война и что будет после нее, в любом случае решится только внутри страны.

Титинан Понсудгирак

Титинан Понсудгирак (Thitinan Pongsudhirak) – директор Института безопасности и международных исследований и доцент международной политической экономики на факультете политических наук университета Чулалонгкорн.